

Научная статья
УДК 821.512.31
DOI 10.18101/3033-1310-2026-2-39-43

Архетипический образ дома в творчестве М. Самбуева

© Булгутова Ирина Владимировна

доктор филологических наук, доцент
кафедры русской и зарубежной литературы,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
irabulgutova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается образ дома в поэмах М. Самбуева «Черный дом» и «Дед Доржи» в контексте национальных художественных традиций. Раскрываются особенности композиции поэмы «Черный дом». Выявляется связь образа дома и мотивов возвращения, воспоминания. Определяется роль обращения лирического героя к дому и разговора с ним в структуре произведения. Раскрывается последовательная персонификация и одухотворение образа дома в контексте мифопоэтического мышления бурят. Выявляется символическое значение и специфика авторской интерпретации архетипического образа дома на различных уровнях произведения. Определяется символическое значение образа дома как места связи времен и разных поколений одного рода.

Ключевые слова: архетип, образ дома, мотив возвращения, лирический герой, персонификация, метонимия, символ.

Для цитирования

Булгутова И. В. Архетипический образ дома в творчестве М. Самбуева // Бурятский язык и литература в школе. Буряад хэлэн болон уран зохёол хургуулида. 2026. Вып. 1. С. 39–43.

М. Ж. Самбуев (1940–1981) — яркий и самобытный бурятский поэт, который занимает свое место в плеяде выдающихся бурятских лириков, пришедших в литературу в 60–80-е гг. XX в. Исследователь Т. Н. Очирова отмечает, что бурятской поэзии этого времени присущи «... тяготение к малой лирической форме, к бессюжетным зарисовкам, к философичности мышления, сопрягающей различные явления бытия» [1, с. 246].

Тематический диапазон поэзии М. Самбуева достаточно широк, так, поэзия внешнего мира воплотилась в стихотворениях о природе родного края, отразивших все многообразие горно-лесного ландшафта. Не случайно поэт писал образно о себе как о сыне тайги, строки «би тайгын хүбүүнби» (я сын тайги) стали названием изданного после смерти поэта сборника. Поэзия «внутреннего я», которая начинает проявляться в бурятской лирике 60–80-х гг. XX в., в творчестве М. Самбуева находит свое отражение в «биографических» стихотворениях о семье, близких людях и родном доме.

В рамках данной статьи мы обращаемся к анализу архетипического образа дома в лирике М. Самбуева. Архетип — вечная универсальная категория, выявляющая то, что присуще глубинным уровням коллективного бессознательного.

Архетип дома связан с мотивом вечного возвращения и может быть раскрыт в контексте мифопоэтического мышления.

Центральным образом поэмы М. Самбуева «Хара соол» (Черный дом) является образ дома. Следует отметить, что в разных изданиях книг поэта жанр этого произведения указывается и как стихотворение, и как поэма. Мы будем придерживаться жанрового обозначения как поэмы, отмечая ее своеобразие в определенном преобладании лирического начала над эпическим. Событийный ряд, связанный с самим лирическим героем, не богат, герой посещает заброшенный дом своих предков и в его воображении оживают не только картины его личного детства, но и моменты жизни нескольких поколений его предков в этом доме. Это лирическая сфера, отражающая субъективное видение героя. Обращаясь к семантике заглавия, следует отметить уже в самом названии употребление диалектного слова *соол*, у тункинских, закаменских, окинских бурят — потомков хонгоодорских племен, эти словом обозначается дом наряду с общеупотребительным *гэр*. Лингвисты выделяют к нему «<...> следующие параллели: тоф. соол «печь, печка», хак. соол — слово устаревшее. В языке качинцев оно обозначало «печь, печка», у сагайцев слово обозначает «избушка, землянка». У многих тюркских народов Сибири это слово в различном фонетическом оформлении: цуал — место огня, камин, чуал — труба для выхода дыма, цувал; чубал — дымоход; шаал — очаг; сыуал — примитивная печь вроде камина. <...> Наиболее фонетически близкой формой бурятского слова *соол* является хакасское *соол*, которое и явилось, по-видимому, прототипом бурятского слова» [2, с. 137].

В этой поэме поэт также использует для обозначения деталей и частей дома такие диалектные названия, как *оёор* (пол), *шагаабар* (окно). То, что у хонгоодорских племен сохранились отличные от литературных вариантов обозначения элементов дома, является свидетельством и отражением их истории и прежних этнокультурных связей. Дом — пространство личное, свое, и лексика, связанная с ним, имеет определенный стабильный пласт.

Начинается поэма М. Самбуева с торжественной эпической интонации, созданной параллельными синтаксическими конструкциями со словом *бэлэй* в финале, обозначающим прошедшее время: *Үбгэ элинсэгэй гуламта бэлэй, / Үргэн Санагын үнсэгтэ бэлэй, / Дуунайнь заяан уладта бэлэй, / Дуугай орьёлой хүнхэртэ бэлэй*» (Это очаг предков, / С той стороны широкой Санаги, / У людей с вековыми песнями, / У подножья безмолвной вершины) [3, с. 27]. Мотив воспоминания является сквозным в данном стихотворении и он связан с раскрытием внутреннего мира героя, его тайных переживаний и чувств. Лирический герой воссоздает историю дома, начиная с его основания: «...үгытэй хүнүүдэй шүрбэһэлиг гараар / үргэгдэн бодхоогдоо гэр бэлэй» (жилистыми руками бедняков / был поставлен этот дом) [3, с. 27]. Оживающее прошлое сменяется грустным настоящим: люди оставили заброшенным свое жилище, не слышно их голосов и не видно их следов. Уцелел один только дом и стоит среди оснований других домов: «тойроод хандархан гэрнүүдэй нуури» (вокруг основания разрушенных домов) [3, с. 27].

В описании дома появляется последовательное сравнение с человеком: «Ута наһатай хүндли дуурана — / Унтаһан, үгыень илгаруулхагүйш абаһаар» (Спит подобно старому человеку — / Сразу не разберешь, спит или нет); «Аалин, аалин бороон шэдэрнэ. / Аалин, аалин нугшана хара соол. / Соорхой хушалтаяа ээм дээрээ хэдэржэ, / Согсойходожо нууна, даарашоод» [3, с. 27] (Тихо, тихо цедит

дождь. / Тихо, тихо *всхлипывает* черный дом. / Дырявый кров накинута на плечи, / Сидит, притулившись, замерзнув). Далее эта метафора «дома как живого существа» развивается и проявляется в образе капель дождя, как слез, текущих по морщинам: «Уйдхарай дуһалнууд хушалтаарнь гоожон, / Уршалаатан хахарһан хана руунь урдана» (По покрытию дома стекают капли печали, / текут по стенам, расколовшимся морщинами). Персонификация образа дома объяснима в контексте мифопоэтического сознания бурят, в котором есть представление о существовании среди заброшенных домов дома с духами — *эзтэй гэр* (дом с хозяином). В поэме настоящее заброшенного дома печально, это почерневший от времени *хара соол*. Так как для лирического героя это одухотворенное пространство, на которое проецируется его внутренняя жизнь, все произведение написано в форме обращения к дому. В композиции поэмы выделены части. Вторая часть произведения — это также погружение в прошлое: воображение героя воссоздает момент установки дома из лиственницы среди войлочных юрт. «Шаглаанта-най суута дархан — шамбай! — / *Шагаабариеш* гурбан зүг руу тодхоо» [3, с. 28] (Знаменитый, могучий умелец из рода Шаглантан / Окна твои на три стороны установил). Триста лет истории дома его предков воскресают в поэтическом слове М. Самбуева, рождая только печаль и безнадежное ощущение неумолимого бега времени: «Шэнэһэн модонойнгоо шэлбэһэтэ хангалаар/Шэрүүн эрэшүүлые уяраахагүйлш дахинаа» [3, с. 28] (Крепким лиственничным духом / Суровых мужчин ты более не растрогаешь). Сфера действия в этой поэме касается не только реального мира, это прежде всего сфера сознания героя, который не сразу может принять трагический по своей сути факт: прошлого уже не вернуть, мгновенья краткой жизни не воскресить. Рефлексия лирического героя продолжает разворачиваться дальше, он осознает, почему уцелел среди других только один-единственный дом его предков, одухотворенность пространства которого ощущалась многими жителями. Никто дом не тронул, соседи пугают заброшенным домом детей, и из суеверного страха никто не осмелился разобрать его на дрова, чувствуя негласный запрет и табуированность пространства (*түбэгтэй гэлсээ бурхан тахилда*). Для лирического же героя — это родной дом, и то, что в нем обрели приют ласточки, имеет позитивную семантику в контексте мифопоэтического мышления. Лирический герой видит настоящее дома и спрашивает его, помнит ли старый дом своих прежних обитателей? Разговор с домом становится разговором с прошлым, со своей памятью и памятью предков. Это достигается за счет обнаружения метонимических связей вещей и предметов, позволяющих создавать символическое поле, они несут в себе душу прошлого: так, дверная ручка заставляет воскреснуть образы рук всех его прежних обитателей. Сам этот предметный образ не случаен, образы двери и порога — пограничные между мирами по своей сути. Образы рук становятся обозначением предков, благодаря чему воскресают их переживания и мысли, то, чем они жили. Не случайно здесь возникает перечисление прежних мужских и женских обитателей дома. Через метони-мию — перенос по смежности — поэт проводит связь с предками.

Только в финале второй части раскрывается тайна причастности лирического героя к этому дому: это родной дом поэта, где он когда-то ранней весной сделал свои первые шаги. Эти строки звучат как признание. «Хүбхэ ургаһан оёор дээрэш мүнөө / Хүлнүүдни гэшхээ тиигэжэ яданги. / Эртэ хабараар нэгэтэ үглөө / Эндэ түрүүшынхией алхажа шадаһанби» [3, с. 29] (На этот заросший сейчас мхом

пол / Ноги мои недоверчиво ступили. / Однажды утром ранней весной / Здесь я сделал свои первые шаги). Поэт последовательно проводит идею связи времен в своем разговоре с черным домом — *хара соол*. Третья часть начинается с вопрошания и просьбы посчитать, сколько здесь прожило поколений. И воспоминание об одном из своих предков, жившем в революционную эпоху, звучит как призывание: «Тэды нэгыень ооглол даа» [3, с. 29] (Позови одного из них). Следует отметить, что при переводе этого произведения на русский язык в советское время была усилена идеологическая линия, развернут революционно-патетический пафос, хотя в произведении в оригинале доминирует элегическое настроение без призывов и агитационного накала.

В четвертой части произведения происходит возвращение в настоящее — в дождливый пейзаж, который становится знаком бесконечной печали и горечи. Именно здесь звучит ответ от лица самого дома — трагическое признание от первого лица: «Хараагайнуудшье бусаад дулаан ороноо / Хооһорооб, теэд юундэ иижэ хороноор? [3, с. 30] (И даже ласточки вернулись в теплые края, / Я опустел, но почему же так больно и горько?) Этот кульминационный момент поэмы — квинтэссенция внутренней боли старого дома и в то же время это проекция переживаний лирического героя.

В пятой части происходит возвращение лирического героя из глубины оживших на мгновение веков и звучит его речь от себя. Здесь появляется важная мысль о преемственности духовного наследия предков в образе песни, которая звучала прежде в этом доме, несмотря на все испытания, и именно она остается жить в душе поэта. Поэма «Хара соол» (Черный дом) М. Самбуева — глубоко личное произведение, лирический герой которого близок автору биографическому. Образ дома раскрывается в его физическом, предметном бытовании, в то же время он не просто сравнивается с человеком, но последовательно одухотворяется и персонифицируется. На основе этого он приобретает в произведении смысл особого пространства, в котором проводится связь времен.

Символическое звучание образ дома приобретает в контексте мифопоэтического мышления бурят. Так, в поэме «Доржо таабай» (Дед Доржи) воссоздан образ дома, который приснился герою, он становится знаком грядущей смерти и перерождения: «Шэнэһэн модоор / Шэнэ байшан барижа, / Шэнээр хуурижабаб гэжэ зүүдэлһэн хойноо, / Буянта, эсэгынгээ дайдые һүүлшынхией хаража, / Бусалтагүйгөөр одоо мордохомни гэжэ, ойлго» [4, с. 93] (Раз приснилось мне, / что из лиственницы построил я себе новый дом и заселился в него, / значит, в край отцов / Безвозвратно я отправляюсь, пойми). Дом как место обитания души, как обозначение физической телесности и оболочки — метафора и символ, известный в культуре многих народов мира. В поэме бурятского поэта Мэлса Самбуева предстает национальное толкование архетипического образа дома: обрести новое пристанище души — заселиться в *новый дом* можно только после физической смерти, о чем и размышляет и, безусловно, на веру принимает свой сон дед Доржи.

Таким образом, в творчестве М. Самбуева образ дома имеет архетипический смысл. Это пространство личного, своего мира, в котором осуществляется связь с предками. Это место вечного возвращения человека к своим истокам, место — хранилище памяти нескольких поколений семьи и рода. Образ дома имеет и предметный смысл жилища, и в то же время приобретает символическое значе-

ние телесной оболочки человека. М. Самбуев в своем творчестве воссоздает национальную модель мира на различных уровнях: языковом, культурном и философском.

Литература

1. Очирова Т. Н. Жанрово-стилевые искания в современной бурятской поэзии и фольклор // Взаимодействие литератур народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1981. С. 244–253.
2. Рассадин В. И., Трофимова С. М., Лувсанжавын Ч. Общомонгольская лексика по разделу традиционное жилище в халхаском, бурятском и калмыцком языках // *Oriental Studies*. 2017. № 10(4). С. 134–140.
3. Самбуев М. Ж. Би тайгын хүбүүнби. Шүлэгүүдэй суглуулбари. Улаан-Үдэ, 2015. 322 с.
4. Самбуев М. Ж. Санага. Улаан-Үдэ, 1971. 128 с.

Статья поступила в редакцию 01.06.2026; одобрена после рецензирования 03.05.2026; принята к публикации 09.06.2026.

The Archetypal Image of Home in the Works of Mels Sambuev

Irina V. Bulgutova

Dr. Sci. (Philology), A/Prof.

Department of Russian and Foreign Literature

Dorzhi Banzarov Buryat State University

24a Smolina St., 670000 Ulan-Ude, Russia

irabulgutova@mail.ru

Abstract. The article investigates the image of home in Mels Sambuev's poems *The Black House* and *Grandfather Dorzhi* within the context of national artistic traditions. It analyzes the structural and compositional features of the poem *The Black House* and identifies the connection between the image of home and the motifs of return and remembrance. The study examines the role of the lyrical hero's appeal to and dialogue with the house within the structural framework of the work. Furthermore, it reveals the consistent personification and spiritualization of the image of home through the prism of Buryat mythopoetic thinking. The article identifies the symbolic meaning and distinctive features of the author's interpretation of the archetypal image of home at various levels of the literary text. Finally, it establishes the symbolic significance of the image of home as a locus that bridges time and connects different generations of a shared lineage.

Keywords: archetype, image of home, motif of return, lyrical hero, personification, metonymy, symbol.

For citation

Bulgutova I. V. The Archetypal Image of Home in the Works of Mels Sambuev. *Buryat Language and Literature in School*. 2026; 2: 39–43 (In Russ).

The article was submitted 01.06.2026; approved after reviewing 03.05.2026; accepted for publication 09.06.2026.